

Збруев у нас - один...

Когда-то они начинали вместе, троица: Янковский, Абдулов и Александр ЗБРУЕВ. Первый создал свой образ современника - аутсайдера, романтика, мечтателя "во сне и наяву". Нашел свое амплу Александр Абдулов. А вот у последнего судьба сложилась иначе. И не оттого, что меньше было актерского таланта. Но просто всегда оставался как бы в тени, где-то на втором плане. Неброский, молчаливый, упрямый на вид - и на экране такой. Его герои не срывали оваций - они просто жили. Забылись кумиры - он оставался все тем же. И вдруг в прошлом году - приз за лучшую роль в фильме Дмитрия Астрахана "Ты у меня одна".

В НАШЕЙ профессии многое зависит от того, куда тебя поставят. Только там, на этом месте ты уже можешь проявиться. Так Саша Абдулов или Олег попали в 2-3 хороших фильма. Хотя успех этих ролей у них не считано. И у меня сколько угодно фильмов - лучше, хуже. Но такой роли, чтобы сказать: "А я сыграл вот его!" - не было.

Я помню, кто-то написал про Янковского, что он может все: может партийного деятеля сыграть, может официанта. Ну а я, посмотрите на меня: какой я партийный деятель? Может, конечно, мне это только кажется. Но, видимо, так же кажется и режисерам. Я как-то не бросаюсь в глаза. Они меня больше воспринимают в простой, обыкновенной жизни.

Остаетесь верны своему герою? Не хотите, чтобы он потерял лицо?

- Свое лицо - хорошо. Хотя от этого многое и теряешь. Гибким людям тут, наверное, легче. Расскажи я режиссеру пару анекдотов, на гитаре сыграй, он, глядишь, и заметил бы, на роль позвал. А я не умею так. Вот и сижу со своим лицом. (Усмехается.) Это, может быть, ничтожный пример, но в жизни бывают ситуации, от которых очень многое зависит. А я не могу. Для меня это - как не в свои штаны влезть...

Одни актеры перевоплощаются в каждой роли, другие, что называется, все время играют себя. Вы, разумеется, относитесь к последним?

- Когда меня спрашивают, играю ли я себя, я всегда думаю: а какой я? И когда играл Клавдия в "Гамлете", думал: а какой бы я был король? Помоему, искусство всегда должно быть исповедально. Особенно сегодня люди хотят искренних чувств, а искренне - это то, что чувствуешь ты.

Но люди хотят, наверное, видеть в искусстве и какие-то ориентиры для себя. Что-то, из чего можно черпать веру, оптимизм?

- Я в этом смысле пессимист ужасающий! Может быть, я произвожу на кого-то впечатление человека улыбочивого. Люблю погулять, как все нормальные люди, с друзьями подухарить, девушки, едем куда-то вместе... Но даже в эти моменты часто происходит как бы такое публичное одиночество. Не оттого, что я считаю себя как-то выше того общества, в котором я сейчас кручусь, или умнее, а просто такой характер, так я воспитан. И так уж выходит по жизни, что больше я не в радости существую. Наверное, просто человек такой - сомневающийся. Потом сама жизнь учила. Меня много раз обманывали, ко мне были чаще невнимательны, чем внимательны. Поэтому я готов к хамству, к подлости. И все-таки всегда ищу причину в себе: почему

именно со мной так происходит?

У вас была бурная юность, совсем не похожая на то, чем вы стали потом. Наверное, вы вспоминаете ее как другую жизнь?

- Да, это две абсолютно разные жизни. И все-таки я считаю, у меня была замечательная юность. Несмотря даже на тяжелые обстоятельства в семье. Но зато с дворовой жизнью повезло. Такого никогда уже не было и не будет.

Что называется, "воспитала улица"? Чему же она научила?

- Научила, что ни на кого не надо надеяться. Что если тебя бросают в холодную воду, выплывать нужно самому и не ждать, пока тебе протянут руку. Но при этом через всю жизнь я пронес веру в ту дворовую дружбу, которая у нас была. Сегодня подобного я уже не ощущаю. То, что меня связывает с моими нынешними приятелями, - это профессия, какое-то общее застолье. А там мы были спина к спине. И друг за друга стояли насмерть. Буквально. Не дай Бог, кого обидят - все собирались! И не для того, чтобы подраться, избить кого-то, а чтобы не дать окунуть человека в дерьмо.

Несмотря на пессимизм, на удары судьбы в ваших героях всегда подкупали стойкость и какая-то внутренняя твердость - качества, столь необходимые в сегодняшней нашей жизни.

- Неуверенности и у меня хватает. Оттого, что нынешнее время постоянно заставляет тебя искать каких-то новых линий отмира. Общество, которое рождается на наших глазах, - оно нам неизвестно. И не всегда сразу можешь разобраться, где черное, а где белое. Хотя в конце концов все-таки возвращаюсь на ту почву, на которой твердо стою. И даже если я играю человека не слишком уверенного в себе, стараюсь показать, что даже у него в глубине есть зародыш той будущей твердости, которая заложена во мне самом.

Пожалуй, в этом смысле ваши персонажи шире: собирательный герой нашего времени, поколения.

- Ну разве что моего поколения. Немолодого, чтобы не сказать - уходящего. Хотя какой уж там герой! Наши актерские краски ведь тоже рождаются в зависимости от воспитания, от того, что дала нам эта страна. И в каждом из нас сидит пионер или комсомолец. Хотя я никогда комсомольцем не был, и из пионеров меня исключили, но все равно в чем-то ограничен. В правде своей ограничен, во внутренней свободе.

Герой, это когда появляется, скажем, Шварценеггер - и вот вам полмира накаченных людей! Его герой - всегда победитель. Не только в драке - по жизни. Люди хотят выживать. А страдают сегодня всем надоело.

Зритель нужен такой герой?

- Ну такой-то у него уже есть. А кто будет следующим, трудно сказать. Зритель любит то, к чему он готов. А наш сейчас - я и не знаю. Они все спешат. Со спектакля бегут - скорее домой, пока не слишком поздно. В театре сидит, думает: как там машина на улице - украли или нет? Зритель - это ведь тоже профессия: надо найти в себе силы, чтобы услышать, к примеру, Баха. Зритель тоже сначала должен обрести свою свободу и свой покой.

Беседовал Олег ГОРЯЧЕВ
Фото Бориса Кремера

Москва: архив К. Документал и фактам - 1994 - № 36 - С. 8